

чпающихся грозных событий, среди которых может погибнуть наша молодая конституция, необходимо немедленно выразить порицание политическим убийствам. Председатель заявляет, что это предложение не подлежит обсуждению, ибо вопрос не поставлен на повестку. Крупенский настаивает, что дальнейшее направление его заявления может развиться лишь постановлением Думы, а не мнением председателя. Председатель: «Лично вы слова, ибо вы вышли за пределы его». Далее председатель сообщает о двух срочных заявлениях по поводу удаления Келенского, Сахаровича и Туринского. Оба постановления содержат критику отчасти постановления Думы, отчасти действий председателя, поэтому ни о каком-либо обсуждении они не подлежат и приобщаются к журналу заседания. На очереди дальнейшее рассмотрение наказа. После прений с незначительными изменениями принимаются статьи 90 по 97, определяющие порядок рассмотрения дель в общих собраниях Думы.

Стратегия прений вызывает статья 97, устанавливающая, что по каждому делу, прежде рассмотрения его, может быть возбужден предварительный вопрос о том, надлежит ли вообще принимать его к рассмотрению Думы. Постановление об этом принимается с заслушанием одного оратора за и одного против. Часть членов, преимущественно левых и правых, видят в этой статье полное подавление большинства прав меньшинства. Другая часть ораторов, преимущественно центра, видят в этой статье необходимое оружие для борьбы с меньшинством, если оно недобросовестно: «Нельзя ломать руль и тормоз корабля во время буря». Статья 97 принимается в редакции комиссии с поправкой Капустина, в виду которой число ораторов за и ораторов против увеличивается до двух за и двух против. В ложь министров Столыпин и кн. Васильчиков. Почти без прений с незначительными поправками принимаются статьи 98 до 119, определяющие порядок прений и дисциплинарная в отношении ораторов права председателя. Далее принимаются статьи 119 до 129, устанавливающие порядок сокращения и прекращения прений. Оживленная прения вызывает статья 129, требующая для закрытия занесен, сокращений времени и неполного сокращения прений протеста не менее 100 членов Думы. Часть членов Думы с депутатами Оземлем во главе видят в увеличении вдвое глав принятой и против установленной первой Думой цифры желание подавить интересы меньшинства. Другая часть, исходя из соотношения партийных сил и основываясь на имуществе свое опыту, видят, наоборот, в сохранении нын принятой цифры возможность полной приватной даже одной фракции над большинством при разрозненности думских сил, при создающем всю тяжесть положения отсутствия сплоченного центра, в этой тираннии видят уничтожение работоспособности Думы. В результате цифра 100 принимается подавляющим большинством. Против голосуют только с.д., польское коло, октябристы и правые, всего 165 человек. Рассмотрение представлений комиссий части наказа закончено. На очереди продолжение прений по аграрному вопросу. Просить слова председатель Совета Министров. Демьянов вносит предложение прекратить заседание в виду позднего времени. Валотицкий подает голосование большинство постановляет продолжать заседание.

Речь председателя Совета Министров: «Господа члены Государственной Думы! Прислушавшись к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из stenographicких отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо вынужденно, до окончания прений, сбавить заявление как по возбуждающему тут вопросу, так и о предоставлении самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полную аграрную программу правительства, это предполагалось сбавить подлажившим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня только я и уаваю, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не высказываются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения такого вопроса, который для них является самым близким, самым больным. Думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных, вместо голодающих и непромыслов. Думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно хотя бы отчасти лишает смуту. Я поэтому обиду все

тб оскорбления и обвинения, которая раздалась здесь против правительства, не буду останавливаться и на тех нападениях, которые имбли характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашаемых здесь началах классовых мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь стать на чисто государственную точку зрения и постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже больше того—бесстрастно к данному вопросу, постараюсь вынуть из существа высказывавшихся мнений, памяти, что мнѣния, несогласная со взглядами правительства, не могут почитаться последними за кривоумие. Правительству тем, больше мнѣ кажется, подобает высказаться в общих чертах, ибо из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии для представления заданий очерченных строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям различных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господа Караваев, Церетели, Волк-Караевский и другие. Я не буду оспаривать тех весьма спорных, по моему мнению, цифр, которые здесь представлялись мне, я охотно соглашусь с нарисованной мнн картинкой оскуднения земледельческой России. Встретившееся этим, правительство уже начало принимать ряд мѣръ для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет ли по полному переводу во все существующих гражданских правоотношениях, или ведет ли тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса—интересам всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мнѣ кажется, всеми ораторами, которые здесь говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача государственности создать государственство современному, на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственство на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корнѣ именно существующую государственность, существующую в настоящее время государственной строй. Признание национализации земли при условии вознаграждения за отчуждаемую землю и без него поведет ли к такому социальному переводу, к такому переизменению всех взаимоотношений, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий. Если это предложение будет признано спасительным (предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение плѣбо, как бы там ни говорили, многочисленного образованного класса земледельцев, что оно примирится с разрушением рѣдких культурных очагов на мѣстах), то же из этого выдет? Был бы, по крайней мѣрѣ, этим способом разрешен хотя бы с материальной стороны земельный вопрос, дал бы или нѣтъ возможность устроить крестьян у себя на мѣстах? На это ответ могут дать цифры, а цифр, господа, тактика, что если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малѣйшаго исключения, даже всю землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдав в распоряжение крестьян, владѣющих нынѣ надѣльной землей, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вмѣстѣ съ имѣющимися нынѣ по 147 десятин на двор, в Олонковской по 136, Архангельской—1,039, в 14 губерниях не достало бы и по 15 десятин, а в Полтавской пришлось бы по 10 десятин, в Подольской—неско по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удѣльных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель расположена в 10-ти губерниях съ наименьшим надѣлом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владѣльцев, т. е. не только 107,000 дворов, но и 490,000 крестьян, купивших себе землю, 35,000 мнѣня, а эти два последние разряда владѣльцев до 17 миллионов. Из этого слѣдует, что поголовное раздѣление всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на мѣстах. Придется прибѣгнуть к тому же средству,

которое предлагает правительство, т. е. к переселению. Придется отказаться от мысли надѣлить землей все трудовой и не выдѣлять из него нѣкоторую часть населения в другую область труда. Это подтверждается и другими цифрами. Также подтверждается из цифр прироста населения за 10-лѣтний период в 50-ти губерниях Европейской России. Россия, господа, не вымирает: прирост ее населения превосходит прирост остальных государств всего мира, достигая на 1,000 человекъ 151 человекъ в год. Таким образом это даст на одну Европейскую Россию всего на 50 губерний 1.626,000 душ естественного прироста в год, или, считая семью в 5 человекъ, 841,000 семей, так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 десятин на один двор, потребно было бы ежегодно 3 1/2 миллиона десятин. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения и раздѣления частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается, это равносильно положению пластыря на засоренную рану. Но крошкѣ упомянутых материальных результатов, что даст этот способ странѣ, что даст она съ нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских общинах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного переѣла, невозможность для хозяина съ инстинктивной мнѣнью к временно находящейся во его пользовании землѣ свою склонность къ определенной отрасли хозяйства—все это распространится на всю Россию. Все и все было бы сравнено, земля стала бы общей, как вода и воздух, но к водѣ и воздуху не прикасается рука человеческая, не ухудшается их рабочей труд, иначе и на ухудшение воздуха и воды несомненно наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распредѣлялась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим мѣстным социал-демократическим присутственным мѣстам, что эта земля получила бы скоро тѣ же свойства, как воздух и вода, ею бы стали пользоваться, но улучшат ее, прилагая к ней свой труд съ тѣмъ, чтобы результаты этого труда перешли къ другому лицу—это никто не стал бы дѣлать. Вообще стимул труда—та дружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломана. Каждый гражданин, а между ними всегда были и будут тунеядцы, будет знать, что он имѣет право заявить желание получить землю, приложить свой труд къ землѣ. Затѣм, когда занятіе это ему надоедет, он бросит его и опять пойдет бродить по блуду свѣту. Все будет сравнено, по приравненъ все можно только къ низшему уровню, нельзя человека лѣнивого приравнять къ трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять къ трудоспособному. Вѣдѣние этого культурный уровень страны понизится, добрый хозяин, хозяин-заворѣтатель самой силой вещей будет лишены возможности приложить свои знания къ землѣ. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человекъ даровитый, сильный и способный силой возстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Вѣдѣ, господа, собственность всегда имбла своимъ основанием силу, за которую стояло и нравственное право. Вѣдѣ и задача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения неосвоенных громадних пространств, и тут была государственная мысль. Точно также право способное, право дарованное создало право собственности и на Западѣ. Неужели же намъ возобновлять этот опыт и переживать новое воззрѣние права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта перекопанная и уравненная Россия—стала ли бы она больше могущественной и богатой? Вѣдѣ богатство народов создается и могущество страны. Путем же передѣла всей земли государство в своем цѣломъ не приобретает ни одного лишнего колоса хлѣба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства, временно будут увеличены крестьянские наделы, но при ростѣ населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высыпаться в города массы обнищавшего пролетариата. Но, положим, что эта картина невѣрна, что краски тут смущены, кто же однако будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой члности России? Вѣдѣ тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности; предлагают намъ среди других сильных и крѣпких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, невѣдомое намъ отечество. Я думаю, что на втором тысячелѣтніи своей жизни Россия не развалится, я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад и пойдет вперед, но не путем разложения пойдет, потому что гдѣ разложение—тамъ

смерть. Теперь обратимся, господа, къ другому предложенному намъ проекту—проекту парти народной свободы. Проект этот даже отрицает, не признает и не советует ни за кѣмъ права на землю. Однако я должен сказать, что в нем для меня не все понятно, и онъ представляется мнѣ своимъ противорѣчивым. Докладчик этой парти в своей рѣчи отнесся очень критически къ началамъ национализации земли. Я полагаю, что онъ логически долженъ по этому притти къ противоположному—къ признанию принципа собственности Отчасти это и было сдѣлано: онъ призналъ за крестьянами право неизмѣнаго и постоянного пользования землей, но вмѣстѣ съ тѣмъ для расширения его владѣній онъ призналъ необходимымъ нарушить постоянное пользование его сосѣдей-землевладельцев. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гарантирует крестьянамъ незыблемость ихъ владѣній в будущемъ. Но разъ признавъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что если понадобится современно отчуждить земли крестьянамъ, онъ не будут отчуждены? И потому мнѣ кажется, что проект дѣвшихъ парти гораздо больше искрененъ и правдивъ, признавая возможность пересмотра трудовъ нормъ и отнятія излишка земли у домохозяевъ. Вообще если признавать принципъ обязательнаго количественнаго отчуждения, т. е. принципъ возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, къ чему это поведет. Во конечномъ выводѣ это поведетъ къ той же национализации земли. Вѣдѣ если теперь, в 1907 году, владѣльцы, скажемъ, 3,000 десятинъ и будетъ отнято 2,500, а за нимъ останется 500 культурныхъ, то вѣдѣ съ изменениемъ понятия культурности и ростомъ населения онъ несомненно подвергается риску отнятія и остальныхъ 500 десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселиться куда-то в даль, в виду того только, что его сосѣдъ не разоренъ, а имѣетъ по нашимъ понятиямъ культурное хозяйство, почему онъ долженъ идти в Сибирь, почему онъ не можетъ быть направленъ, по картинному выражению одного изъ ораторовъ парти народной свободы, на сосѣднюю помѣщичью землю? Мнѣ кажется ясно, что по этому проекту право собственности на землю отчуждается, она изымается изъ области купли-продажи и никто не будетъ прилагать свой труд къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Докладчикъ парти прикидывалъ цѣну на отчуждаемую землю въ среднемъ 80 рублей за десятину въ Европейской России: вѣдѣ это не можетъ поощрить къ примѣнению своего труда къ землѣ, скажемъ, тѣхъ лицъ, которые за землю за годъ берутъ тѣмъ залатили 200—300 руб. за десятину и вложили в нее все свое достояніе. Но между мыслями, предложенными докладчикомъ парти народной свободы, и мыслью, которая должна сосредоточиться на себѣ самое серьезное вниманіе. Докладчикъ заявилъ, что надо предоставить самимъ крестьянамъ устраняться такъ, какъ имъ удобно Законъ не признаетъ унѣтъ крестьянъ и навязывать имъ какіе-либо теории, хотя-бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраняется по своему, только тогда действительно мы поможемъ населенію. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всехъ своихъ стремленияхъ указываетъ только одно: нужно снять тѣ оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать способъ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проектѣ парти народной свободы другое провозглашенное начало—это начало государственной помощи. Предлагается отнестись на расходы казны по поводу стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Къ этому началу я еще вернусь, а теперь укажу, что оно мнѣ кажется нѣсколько противорѣчивымъ провозглашаемому принципу принудительнаго отчуждения. Если признавать принудительное отчужденіе, то какъ же на ряду съ этимъ признавать необходимость для всего населения, для всего государства, для всехъ классовъ населения притти на помощь самой нуждающейся части населения, почему на ряду съ этимъ необходимо съ этой цѣлью обездѣлать 130,000 владѣльцевъ, и не только обездѣлать, но и оторвать отъ привычного, поземнаго для государства труда? Но можетъ быть безъ этого обойтись нельзя? Прежде чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ взглядъ правительства, позволяю себе остановиться на одномъ способѣ разрешения земельного вопроса, который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ—путь насилия. Вамъ всѣмъ известно, господа, насколько легко прислушивается нашъ крестьянинъ-простолуднѣ къ всевозможнымъ толкамъ, насколько легко поддается онъ толчку, особенно в направлении разрешения своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилия. За это уже платили нѣсколько разъ нашъ сѣбрый крестьянинъ. Не могу не заявить, что въ настоящее время опасность по-

выхъ насилій, новыхъ бѣдъ въ деревнѣ разрастается. Правительство должно учитывать два явления: съ одной стороны несомнѣнно желаніе, потребность и стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ, законныхъ началахъ и приступить къ правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремленіе правительство не можетъ не приветствовать и обязано приложить все силы, чтобы помочь ему. Но на ряду съ этимъ существуетъ другое, существуетъ желаніе усилить брожение въ странѣ, бросить населенію сѣмена возбужденія и смуты съ цѣлью возбужденія недобрѣи къ правительству съ тѣмъ, чтобы подорвать его значение и его авторитетъ, чтобы соединить воедино все враждебныя правительству силы. Вѣдѣ съ этой кассиды, господа, была брошена фраза: «мы пришли сюда не покупать землю, а сеять вѣдѣ» (голоса «добро, правильно»). Отсюда, господа, распространялись и письма въ провинцію и деревню, письма, которые печатались въ провинціальныхъ газетахъ, почему я о нихъ и упоминаю,—письма, вызывавшія и смущеніе, и возмущеніе на мѣстахъ. Авторы этихъ писемъ привлеклись къ отвѣтственности, по имѣнтію, господа, что дѣлалось въ понятіяхъ дѣвшихъ сельскихъ обывателей, которымъ предлагалось, въ виду якобы насилій, кровожадности и преступленій правительства, обратиться къ насилію и взять землю силой. Я не буду угрождать вамъ, господа, ознакомленіемъ съ тѣми документами, я скажу только, что при наличности ихъ—и я откровенно это заявляю, такъ какъ русский министръ и не можетъ говорить иначе русской Думѣ—можно предвидѣть наличность новыхъ попытокъ приобрести земли силой и насиліемъ, я долженъ сказать, что въ настоящее время опасность успѣшнаго возбужденія на население въ смыслѣ открытаго наступленія становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступитъ эту черту, этотъ предѣлъ не дозволитъ, иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія. Все, что я скажалъ, господа, является разборомъ тѣхъ стремленій, которые, по мнѣнію правительства, не даютъ того отвѣта на вопросъ, того разрѣшенія дѣла, которого ожидаетъ Россия. Насилія допущены не будутъ. Национализация земли представляется правительству гибельной для страны, а проектъ парти народной свободы, т. е. по существу экспроприация, полунационализация въ конечномъ выводѣ, по моему мнѣнію, приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предложеніе лѣвшихъ парти. Гдѣ-же выходъ? Думаю ли правительствомъ ограничиться полумѣрами и полицейскимъ охраненіемъ порядка? Но прежде чѣмъ говорить о способахъ, нужно ясно себѣ представить дѣла, а цѣль правительства нынѣ опредѣлена: правительствомъ желаетъ поднять крестьянское земледѣліе, оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ и достаточнымъ, такъ какъ гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному и трудолюбивому крестьянину, т. е. соли Русской Земли, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, тѣхъ теперешнихъ условий жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится, надо дать ему возможность укрѣпить за собою плоды трудовъ своихъ, предоставить ихъ въ неотъемлемую собственность. Пусть собственство эта будетъ общая тамъ, гдѣ община еще не отжила; пусть она будетъ двупорядная тамъ, гдѣ община уже не жизнннна,—но пусть она будетъ крѣпкая, пусть будетъ наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советомъ, помочь кредитомъ, т. е. деньгами. Теперь же надлежитъ немедленно братъ за незамѣтную черную работу, надлежитъ сбавить учетъ всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ, дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельного запаса такъ называемымъ принципомъ принудительнаго отчуждения. Если признавать принудительное отчужденіе, то какъ же на ряду съ этимъ признавать необходимость для всего населения, для всего государства, для всехъ классовъ населения притти на помощь самой нуждающейся части населения, почему на ряду съ этимъ необходимо съ этой цѣлью обездѣлать 130,000 владѣльцевъ, и не только обездѣлать, но и оторвать отъ привычного, поземнаго для государства труда? Но можетъ быть безъ этого обойтись нельзя? Прежде чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ взглядъ правительства, позволяю себе остановиться на одномъ способѣ разрешения земельного вопроса, который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ—путь насилия. Вамъ всѣмъ известно, господа, насколько легко прислушивается нашъ крестьянинъ-простолуднѣ къ всевозможнымъ толкамъ, насколько легко поддается онъ толчку, особенно в направлении разрешения своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилия. За это уже платили нѣсколько разъ нашъ сѣбрый крестьянинъ. Не могу не заявить, что въ настоящее время опасность по-

«ся» (?). Въ настоящее время государство у насъ хвораетъ, и самой большой его частью, которая хрипѣтъ, которая задыхается, является крестьянство, и ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматической, совершенно механической способъ—взять и раздѣлить всѣ 130,000 существующихъ въ настоящее время помѣстій. Государство-ли это? Не напоминаетъ-ли оно исторію Тришкина кафтан: обрывать помѣстья, чтобы смитъ рукава. Господа, нельзя укрѣпить большое тѣло, питая его вырванными отъ него самого кусками мяса. Надо дать толчокъ организму, создать принитъ питательныхъ соковъ къ большому мѣсту; тогда организмъ осилитъ болѣзнь, и въ этомъ должно несомнѣнно участвовать государство; части государства должны притти на помощь той его части, которая въ настоящее время является слабѣйшей. Въ этомъ смыслѣ понимается государственность, это—оправданіе государства, какъ одного социального цѣбого. Мысль, что все государственныя силы должны притти на помощь слабѣйшей его части, можетъ напоминать принципъ социализма; но если это принципъ социализма, то социализмъ государственнаго, который примѣнялся не разъ въ Западной Европѣ и приносилъ реальные существенные результаты. У насъ принципъ этотъ можетъ быть осуществленъ въ томъ, что государство брало бы на себя уплату части процентовъ, которые выскываются съ крестьянъ за предоставленную имъ землю. Вѣдѣ въ общихъ чертахъ дѣло сводилось бы къ слѣдующему: государство закупало бы предполагаемая въ продажу частная земля, которая вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными составляла бы государственныя земельныя фонды. При массѣ земель, предполагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возрасли бы, и изъ этого фонда получали бы землю на льготныхъ условияхъ тѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и действительно прилагаютъ теперь свой трудъ къ землѣ, и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить формы теперешняго земледѣлія. Но такъ какъ въ настоящее время крестьянство оскудѣло, ему не подъ силу платить тотъ сравнительно высокій процентъ, который выскывается государствомъ, то послѣднее и приняло бы на себя разницу въ процентѣ, выплачиваемомъ по выпускаемымъ имъ листамъ, и тѣмъ процентъ, который былъ бы посленъ крестьянину и который былъ бы определяемъ государственными учреждениями. Вотъ эта разница и обременяла бы государственныя фонды и она должна была бы вноситься въ ежегодную роспись государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, вышло бы, что все государство, всѣ классы населенія помогаютъ крестьянѣмъ приобрести ту землю, въ которой они нуждаются; въ этомъ участвовали бы всѣ платящійся государственныхъ повинностей, чиновники, купцы, лица свободныхъ профессій, тѣ же крестьяне и тѣ же помѣщики, но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы плечи одного, немногочисленнаго класса въ 130,000 человекъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были бы, что тамъ ни говорили бы, и очаги культуры. Этимъ путемъ правительство начало ити, понизивъ временно процентъ, введенные по 87 статьѣ закона проценты платежа крестьянскому банку. Способъ этотъ больше видный и менѣе огудный, чѣмъ тотъ способъ повсемѣстнаго принятія на себя государствомъ платежа половинной стоимости земли, который предлагаетъ парти народной свободы. Если бы одновременно былъ установленъ выходъ изъ общины и, такимъ образомъ, была создана крѣпкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселеніе, было бы облегчено получение ссуды подъ надѣльную землю, былъ бы созданъ широкий мелоративный земледельческий кредитъ, то хотя кругъ предполагаемыхъ правительствомъ земельныхъ реформъ и не былъ бы полнѣ замкнутымъ, видѣть же былъ бы просѣтъ при рассмотрѣніи вопроса въ его полнотѣ; можетъ быть и въ болѣе ясномъ свѣтѣ представлялся бы и прелюдный вопросъ объ обязательномъ отчужденіи. Пора этотъ вопросъ выдвинуть въ его настоящія рамки, пора, господа, не видѣть въ этомъ волшебнаго средства, какой-то панацеи противъ всѣхъ бѣдъ. Средство это представляется смѣлымъ потому только, что въ разоренной России оно создается еще классъ разоренныхъ въ концѣ земледѣльцевъ. Обязательное отчужденіе, дѣйствительно, можетъ явиться необходимымъ, но, господа, въ видѣ исключения, а не общаго правила, и обставленное только гарантиями закона обязательнаго отчужденіе можетъ быть не количественнаго характера, а только качественного. Оно должно примѣняться главнымъ образомъ тогда, когда крестьянство можно устроить на мѣстахъ для улучшения способа пользования ими землей, оно представляется тогда, когда необходимо при переходѣ къ лучшему способу хозяйства устроить водопой, выгонъ, пастбища, дороги, наконецъ, избавиться отъ вредной члрезплодоты. Но я, господа, не предлагаю вамъ—такъ я сказалъ и раише—

полнаго аграрнаго проекта. Проектъ вашему вниманію только тѣмъ лицамъ, которые поставлены правительствомъ. Больше полный проектъ предполагается внести со стороны компетентнаго ведомства въ соотвѣствующую комиссію, если-бы въ нее были приглашены представители правительства, чтобы тамъ быть выслушаннымъ. Проблемъ около десяти лѣтъ въ дѣлахъ земледѣльной устройствѣ, я пришелъ къ такому убѣжденію, что въ дѣлѣ этого нуженъ упорный трудъ, нужна промышленная члрвая работа. Разрѣшеніе этого вопроса нельзя, его надо разрабатывать. Въ западныхъ государствахъ это потребовалось десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скорѣйшій, по мнѣнію мнѣ, путь. Противникамъ государственности хотѣлось бы набрать путь капитализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго России, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Намъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россия» (аплодисменты).

Послѣ рѣчи председателя Совета Министровъ Дума единогласно отвергаетъ предложеніе продолжать прения немедленно. Засѣданіе закрыто въ часѣ 40 минутъ.

ТОМСКЪ, 10-го мая. Членами Думы избраны еще Ревякинъ и Шашкинъ крестьяне, хлѣбопашцы. Отъ городской волости избранъ Тободовъ, правѣе к.д.

МОСКВА, 9-го мая. Ректоръ университета по постановленію совета послалъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующую телеграмму: «Совѣтъ Императорскаго московскаго университета въ экстренномъ засѣданіи 9-го мая единогласно постановилъ обратиться къ вашему высокопревосходительству съ ходатайствомъ всеподданнѣйше доложить Государю Императору нижеслѣдующее пріветствіе: «Ваше Императорское Величество! Совѣтъ московскаго университета, глубоко возмущенный мыслями противъ особы Вашего Величества, горячо пріветствуетъ Васъ, сударь, съ извѣщеніемъ отъ угрожающей опасности. Да будетъ сохранена на многие годы жизнь Вашего Величества на благо и славу обоглавленной России. Ректоръ Мануйловъ».

Отправлены также однородныя телеграммы братіямъ объединеннаго рабочаго народа и лѣвничей группы со съ 17-го октября.

ПАРИЖЪ, 9-го мая. Совѣтъ министровъ въ засѣданіи 9-го мая въ Елисейскомъ дворцѣ одобрилъ вносимыя завтра въ палату депутатовъ законопроекты противъ министра финансовъ, направленные къ устраненію винодѣльческаго кризиса.

Военный министръ сообщилъ, что имъ будетъ сдѣлано въ палатѣ депутатъ заявленіе, что солдаты приняты 1903 года будутъ уволены въ запасъ первой половинѣ іюля.

ЛОНДОНЪ, 9-го мая. Радикалы также унионисты газеты заявляютъ, что рѣшеніе ирландскаго національнаго комитета въ Дублинѣ является таковымъ ударомъ для правительства. Всѣ ожидаютъ, что законопроектъ, внесенный Барресомъ, будетъ взятъ обратно. Американскіе делегаты, участвовавшие въ дублинскомъ національномъ комитетѣ, заявили, что американскіе парламентаріи поддержатъ своихъ великобританскихъ современниковъ, если они будутъ необходимы пролить активную кровь противъ Англіи. Ирландія пять лѣтъ сохранила миръ. Англія представляетъ всеанное пробужденіе, если она не ображаетъ, что умеръ національный духъ ирландцевъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 10-го мая. По совершено нападеніе на станцію Хово, Николаевской желѣзной дороги 25-ю вооруженными молодыми людьми. Убиты жандармъ и сторожъ. Нападавшие приступили къ ограбленію вагоновъ въ это время дежурный по станціи успѣлъ убить къ первому семифуру призывалъ трехъ городовыхъ и послѣднихъ на дежурный паровозъ, пріѣхавъ на станцію. Грабители обратились въ бѣгство, одинъ раненъ. По провозѣ вагоновъ кругомъ обыскъ задержано 22 человекъ.

Позднее ночью на писчебумажномъ фабрикѣ Варшавскихъ вспыхнулъ грандіозный пожаръ. Сгорѣла два корпуса. Убытокъ оорѣдѣляется въ 600,000 руб. Работы приостановлены.

Градоначалникомъ на основаніи предложенія объ усиленной охранѣ процнентовъ газета «Русь».

МОСКВА, 10-го мая. На Тихвинской улицѣ на надзирателя пересѣльных работъ напали шестеро вооруженныхъ смертельно ранили ножами надзирателя Балкова. 6 злоумышленниковъ задержано.

Въ московской семинаріи произведено варьѣ положеннаго въ печку снаряда. Это время въ семинарской формѣ служилъ архіерей. Пострадавшихъ отъ взрыва нѣтъ.

ВОРНЕЖЪ, 10-го мая. Прибывшии губернатору жители Калача потребовали съ полною покорностью. На избранномъ 8-го мая сходѣ 2,280 человекъ, выражая сожалѣніе о случившемся и объясняя столкновеніе съ полнотой агитациею сторонниковъ общины, просили губернатора повернуть въ столамъ Его Величества вѣрноподданности.

